

Книжка иеросхимонаха Антония Булатовича значительно разнится от книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа», в защиту которой она написана. Схимонах Иларион имел главной целью возвеличить „Молитву Иисусову" и убедить современных подвижников исполнять это монашеское делание, оставляемое ныне в небрежении. Цель, конечно, весьма почтенная, и все то, что написано отцами об Иисусовой молитве, конечно, весьма полезно напомнить христианам, а те монахи, которые вздумали бы унижать значение Иисусовой молитвы и всякого другого духовного делания, преданного отцами, достойны всякого осуждения. Однако, правое дело не нуждается в неправых средствах и отеческое предание о молитве Иисусовой имеет достаточно истинных доводов в свою пользу, чтобы не прибегать к доводам суеверным. К сожалению, старец Иларион не избег последнего, и ко многим святоотеческим спасительным рассуждениям о пользе и значении молитвы Иисусовой нашел нужным прибавить и свое мудрование, и суеверное, и бессмысленное: он вздумал доказывать, что имя Иисус есть Сам Бог.

В качестве доказательств такой мысли он привел слова о. Иоанна Кронштадтского о тесной связи между именем и лицом, к которому оно относится, будь это имя Божие, ангельское, святого угодника или даже простого человека. Но из этого указания следовал бы только тот вывод, что имя Иисус так же близко к лицу Господа Иисуса Христа, как и всякое другое Его имя, и как имя всякого человека к тому человеку. Никто, конечно, не станет утверждать, что, если я буду именовать имя своего отсутствующего друга, то и друг мой сам будет здесь со мною; если же он услышит мой зов, то он или придет, или не придет ко мне, но и я, и он будем понимать, что иное есть он сам, иное же произносимое имя. Однако, в книге схимонаха Илариона, вопреки о. Иоанну Кронштадтскому, на которого и он, и Антоний Булатович, совершенно напрасно ссылаются, Божественное достоинство из всех имен Господних приписывается только имени Иисуса; в книге же Булатовича оно приписывается именам Божиим вообще, но только именам Божиим. При всем желании защищать суеверное учение Илариона, Булатовичу пришлось совершенно его изменить, потому что во всех выписках о. Илариона не удалось найти ни одной, которая бы указала на преимущества имени Иисуса пред прочими наименованиями нашего Господа.

Спрашивается, зачем понадобилось схимонаху Илариону распространять свое нелепое суеверие? Ответ на сие неутешительный. Его учение связано с глубоким принижением всех молитвенных правил, кроме Иисусовой

молитвы. Он заявляет, что усовершенствовавшиеся в ней не нуждаются в чтении псалтири, утрени, вечерни и прочих молитвословий, и приводит в доказательство сего изречение препод. Каллиста и Игнатия, имеющее, однако, совершенно *противоположный смысл*. Нужно при сем оговориться, что и в книге Илариона и еще более в книге Булатовича почти все библейские и отеческие изречения приводятся с извращенным толкованием и, нередко, в извращенном даже изложении, — Итак, изречение Игнатия и Каллиста гласит: „творяи молитву Иисусову о правиле своем никакоже да нерадит“. Автор книги думает, что славянский язык, подобно русскому, двумя отрицаниями усиливает отрицание и понимает сие изречение так: *творящий Иисусову молитву может не радеть о своем правиле*". Пусть он откроет Октоих и прочитает 3-й воскресный эксапостиларий: „яко Христос воскрес, никто же да не верует". Если бы слова сии были в русской фразе, то они были бы свойственны только жидам: „*пусть никто не верит воскресению Христову*", но по-славянски, как и по-гречески, два отрицания, есть утверждение, и слова Октоиха воспрещают неверие воскресению Христову,—велят всем верить ему. Равно и слова Игнатия и Каллиста воспрещают отменять или сокращать обычное иноческое правило ради Иисусовой молитвы и должны переводиться на русскую речь так: „*проходящий Иисусову молитву да не пренебрегает иноческим правилом*".

И не дай Бог, чтобы пренебрегал, добавим мы, потому что такой монах неминуемо впадает в прелесть. Последнее особенно опасно для последователей Илариона, ибо сей старец поясняет, что подвижник только на первых ступенях молитвенного делания повторяет Иисусову молитву устно и полностью; затем, усовершенствовавшись в ней, он, становясь сам выше всякого прошения, только славословит Иисуса призыванием Его имени: „Иисусе Христе", даже только: „Иисусе". Поднимаясь еще выше в духовной жизни, он уже не имеет нужды произносить и это слово, а сохраняет его в своем сердце, как постоянное сердечное достояние.

Итак, что творит таковой совершенный монах? В церковь он не ходит, служб церковных, псалмов и молитв не читает, не читает и молитвы Иисусовой, а только в сердце своем носит имя Иисуса. Не рискует ли он просто забыть все свое монашество и, пребывая в лености и нерадении, оправдывать свое омирщение тем, что он в сердце носит имя Иисусово? — Или он достиг уже такой степени, на которой и падение невозможно?

Напрасно так думать! Преподобный Макарий Великий свидетельствует, „что некоторые отцы достигли такой степени совершенства, что уже творят чудеса, но потом, вознерадев, пали"[1]. Падение возможно и для великих столпов подвижничества, но, если последнее проходится в послушании иноческому уставу, то близость падения легко обнаруживается в нерадении к молитве или в тяготе к ней, или в раздражительном принятии святых послушаний; если же и молитву и послушания подвижник признал для себя уже ненужными, то он сам себе закон, и все, что ему кажется хорошим, он почитает Богодухновенным, следуя суемудрию Илариона, он убежден, что вместе с именем Иисуса в нем Ипостасно Бог пребывает, а Бог может ли чему ошибочному попустить в Своем сосуде? Конечно, нет, а посему все, что ему кажется законным, и есть таково. В этом заключается учение хлыстов. „Духу веруйте", говорят они, а дух пребывает в сердцах их, духовных христиан, какими они себя почитают за постную и девственную жизнь, присущую им в начале их увлечения. Затем, обольстившись мыслию, будто все, исходящее из их сердца, идет от Святого Духа, они начинают прислушиваться во время своих радений к тому, чего хочет их озаренная душа? И если душа их исполнена желаний блуда, то они должны верить, что и это скверное пожелание им внушает дух; и вот, гнушаясь в обычное время даже брачного нескверного ложа, они сперва на радениях своих предаются неистовому смещению, а потом и без радений творят то же самое. Итак, не напрасно мы в „Русском Иноке" предостерегали читателей книги Илариона в том, что она, обольщая подвижника измышленным суеверием, ведет его к пропасти хлыстовщины. И мы знаем от старцев высокой жизни, что сам о. Кларион, вопреки запрещению настоятеля Ново-Афонского монастыря, покинул св. обитель и послушание и самочинно соделался пустынником.

К сожалению, наше время есть время исключительного увлечения хлыстовством и русского народа и русского общества. Полное неверие отжило свой срок. Людям жутко стало жить вне общения с небом, но приближаться к нему путем узким, путем Христовым „аще хощещи внити в живот, соблюди заповеди", — это тоже для них, развращенных и расслабленных, кажется не под силу. И вот они измышляют себе другие пути приближения к Божеству: сектантства, магнетизма, необуддизма, а наипаче хлыстовщины, как явления, к сожалению, русского, не нового.

Хлысты, под названием иоаннитов, чуриковцев, колосковцев, стефановцев, иннокентиевцев заполнили собою и обе столицы, и Малороссию, восточную и западную, и Заволжье, и Сибирь. Они проникли и во многие обители — в Нилову пустынь, в монастыри Псковские, в Суздальские, в Подольские, Олонецкие и другие.

Еще недавно многих маловерующих людей общества, почитавших нравственное учение христианства, смущало собственно учение о чудесном, а теперь, напротив, те же, мало верующие в действительные чудеса люди, готовы верить всяким измышленным чудесам мошенников-аферистов, лишь бы ослабить значение заповедей Божиих о молитве, послушании и воздержании. Они с жадностью набрасываются на все, что идет врозь со строгим учением Церкви, на все, что обещает приближение Божества помимо церковного благочестия и без напряжения нравственного. Вот почему и за учение Илариона ухватились столь многие: одни по слепой ревности и упрямству, а другие по лености, сладостно предвкушая, как они скоро дойдут до той степени совершенства, когда им можно будет и служб церковных не выстаивать, и никаких молитв не читать, а только «носить в своем сердце имя Иисуса».

Неискренность последователей Илариона, а особенно Булатовича, и его самого, обнаруживается из того, что они, не установив толком собственного учения, набрасываются на несогласных с ним, запугивая их самих и вообще слушателей и читателей своих прокламаций, обвинениями в арианстве, т. е. в отрицании Божества Господа Иисуса Христа, в отрицании молитвы Иисусовой и, вообще, всякого духовного делания, в превозношении своей схоластической учености, при отсутствии духовного делания, в превозношении своей схоластической учености, при отсутствии духовного опыта, и так далее.

На сие отвечаем, что и Божество Иисуса Христа мы признаем, и Иисусову молитву высоко чтим, и ученостью не гордимся, а ставим ее ниже духовного опыта, но и в книге схимонаха Илариона духовного опыта не видим, а самообольщенное мечтание, и еще менее находим опыта духовного в книге Булатовича, а обретаем там одно только словопрение, т. е. схоластику, но без твердой логики, без знания св. Библии и без понимания греческого языка, на который она ссылается.

Книга Илариона, которую мы прочитали в октябре 1912 года, имеет еще то преимущество пред книжкой Булатовича и его печатными прокламациями, что в ней меньше сознательной лжи, сознательного извращения текстов Священного Писания и неискреннего запугивания всех иномыслящих с автором обвинениями в безбожии и ереси. Еще незадолго до обнародования своей книги Иларион и сам сомневался в состоятельности своего измышления о том, будто имя Иисус есть Сам Бог. Он писал афонскому духовнику о сем письмо, в коем сознавался, что учения сего он не обрел ни в Священном Писании, ни у отцов и просил о новом учении отзыва духовника (см. „Русский Инок" 1912 года, № 15, стр. 62—63). Духовник ответил ему неодобрительно; однако, увы, эта самая мысль, что он составил новый догмат, и прельстила несчастного схимника: он впал в так называемую „старческую прелесть".

Мы высоко чтим монастырских старцев и опытных отшельников пустыни и всегда старались иноков-студентов подчинять их руководству. Послужив в разное время в трех академиях, мы сблизили учащихся монахов со старцами обителей—Валаамской, Оптиной, Седьмиезерской, и сие сближение академий со старцами утвердилось, слава Богу, и до сего дня. При всем том невозможно умолчать и о том нарочитом искушении или прелести, которым подвергаются старцы, вознерадевшие о совершенстве. У всех свои искушения: у юности — блуд, у старости — корыстолюбие, у епископов — гордость и тщеславие, а у старцев — измышлять свои уставы для увековечения своей памяти в обители. Так, в одной обители по памяти старца прибавляют такую-то молитву к правилу, в другой снимают клобуки при первом возгласе иерея на литургии, в третьей творят земной поклон при возгласении „святая святым" и т. д. Не думаю, что устанавливавшие сии обычаи старцы уже тем самым погрешали, но, если они при этом заботились о своей славе, о своей памяти, и мыслили себя подобными древним законоположителям чинов церковных, то это уже было бы полною прелестью.

Гораздо, более, однако, погрешают те, которые, подобно старцу Илариону, стараются увековечить свою память измышлением новых догматов, и тем становятся на стезю Македония, Евтихия и Нестория, коих память тоже не изгладится до второго пришествия Господа, но память сия соединена не с благословениями, а с проклятиями.

И вот горькие плоды такой знаменитости. Лучшие обители Афона сделались местами драк, увечий, бунтов против Церкви. Имя русских сделалось синонимом ереси на Афоне, и теперь возможно совершенное изгнание оттуда наших соотечественников. Все, что было среди нашего монашества непокорного, упрямого, честолюбивого и корыстолюбивого, ухватилось за новый бессмысленный догмат и, мало даже думая о нем, обрадовалось возможности „отвергать начальство и злословить высокие власти" (Иуд. 1, 3), захватывать себе начальственное положение и растаскивать монастырскую казну. Все это и имело место в Андреевском скиту, а отчасти и в обители св. Пантелеймона на Афоне. Конечно, если бы схимонах Иларион не выдумывал догматов, а только собирал отеческие мысли о молитве Иисусовой и увещевал читателей спасаться по руководству Божественных отцов, то его книжка не распространилась бы так широко и имя его не повторялось бы столькими устами: но утешительно ли разделять знаменитость Ария и Евномия,—об этом представляем теперь судить ему самому. Впрочем, и до сих сынов погибельных ему далеко: те учили, хотя ложным догматам, но все-таки осмысленным, а Иларион и Булатович выставили такую мысль, которая подобна бреду сумасшедших, как справедливо определил их учение Вселенский патриарх и патриарший синод.

Действительно, можно ли, не отказавшись от христианства и от разума, повторять их нелепое утверждение о том, будто имя Иисус есть Бог? Мы признаем, что имя Иисус есть священное, Богом нареченное и возвещенное Ангелом, имя, данное Богочеловеку по Его вочеловечении (еже бо бе, пребысть, и еже не бе прият), но смешивать имя с Самим Богом не есть ли то верх безумия? Что есть Бог? Бог есть Дух, вечный, всеблагий, всеведущий, вездесущий и прочая, единый по существу, но троичный в Лицах. Значит, и имя Иисус есть не слово, не имя, а Дух вездесущий, благий, троичный в лицах? Кто, кроме лишенных разума, может повторить такую нелепость? Или они скажут, что сие имя есть самое Второе Лицо Святой Троицы и Богочеловек? Тогда пусть они признают и другую нелепость, что имя сие собезначально Отцу, от Него предвечно рожденное, вочеловечившееся, распятое и воскресшее. Была ли когда-нибудь ересь, дошедшая до таких безумных выводов?

Между тем, Антоний Булатович смело заявляет, что сие учение содержится и в Новом, и в Ветхом Завете, что оно и в богослужении

нашем, и в писаниях отеческих. Сам не веря тому, что он пишет, а желая только иметь у себя средство для бунта в обителях афонских, сей писатель забыл, что и Иларион признает учение сие новшеством, и заходит в далечайшие дебри суесловия, исправив своего учителя неправды только в том, что признал равное достоинство имени Иисус с прочими наименованиями Господа, тогда как Иларион только одному наименованию Иисус приписывал сверхъестественную силу.

Зато сей подражатель нового лжеучения гораздо искуснее распространяет его, чем его первоначальник, ибо много превосходит его хитростью и наглостью и умением прельстить и запугать простодушных русских иноков. Итак, он прежде всего изобрел имя своим обличителям, прокричал везде по газетам и в своих прокламациях, рассылаемых по всем обителям, что с ним несогласны только еретики, коих он и назвал безграмотным прозвищем имеборцев, не зная даже того, что названия, сложенные с этим словом, берутся от родительного падежа, как, например, именованное, а не имесловное, благословение. Впрочем, крайнее невежество Булатовича сказывается на всех страницах его книги, когда ему приходится иметь дело с грамматикой, или философией, или богословием. Однако, зная, что русские иноки, мало привыкшие вникать в учение веры, будут почитать еретиками тех, на кого раньше удастся набросить такую кличку, особенно, если это сделать смело и под видом ревности о вере, Антоний Булатович, прежде чем приступить к изложению своих мыслей, много страниц посвящает на ругательство тех, кто с ним будет не согласен, и возводит на противников новой ереси обвинение в том, что им совершенно чуждо. Он утверждает, будто архиепископ Антоний и инок Хрисанф восстали против учения о. Илариона об умной молитве (стр. 3), будто они „отвергают необходимость в молитве умно-сердечной заключать ум в слова призываемого имени Господня" (стр. 9, значит, самую-то молитву они признают?), применяет к ним пророчество Малахии: „прокляну благословение ваше" (стр. 20) и кару, постигшую иудея, похулившего имя Господне (146 стр.) и т. л. Доверчивый читатель—малограмотный инок—уже готов верить, что писатель (т. е. Булатович) действительно защищает святую веру от безбожников, отрицающих Божество Иисуса Христа и богохульствующих.

Затем, как бы ни была нелепа какая-либо ересь, но если она имеет такую видимость, будто умножает величие Божие, то многие уже поэтому готовы

ее принять. Вот почему та страна, которая более других имела ревности о благочестии и о подвигах, т. е. страна Египетская, вся увлеклась ересью Евтихия и до сего дня пребывает в узах его лжеучения, в узах монофизитства. Всякий христианин дорожит верою в Иисуса Христа, как Бога, равного Отцу и Святому Духу. Евтихий же, как бы желая еще более возвеличить Христа, начал учить, что Его Божеское естество поглотило в Нем человеческую сущность и Он теперь только Бог, а отрицавших сие он называет несторианами, арианами, безбожниками и прочими. Мудрено ли, что ересь его охватила отшельников и народы Египта и Абиссинии, и они доселе презирают православных, как унижающих достоинство Сына Божия. Таким же мнимым благочестием сумели и латиняне обольстить западные народы, измыслив в недавнее время лжеучение о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы от Иоакима и Анны, а несогласных с сим нечестием, т. е. православных, они именуют врагами Богородицы и новыми несторианами. Мудрено ли, что многие прежние малороссы-богословы, привыкшие читать латинские книги, приняли это учение, как якобы возвеличивающее Пресвятую Деву; даже русские старообрядцы, жившие в Австрии, внесли сие лжеучение в свои книги, а теперь и московские раскольники защищают его на миссионерских беседах. С таким успехом распространяется всякая ересь, мнящая возвеличить различные верования наши больше, чем то указано в учении церковном, и при том действующие наглою бранью против защитников последнего, обзывая их именами прежних еретиков и приписывая им различные безбожные мнения, коих они никогда не разделяли. Впрочем, этим не ограничиваются лживые, неискренние приемы писательства Антония Булатовича: они сказываются в том, что он, приводя на каждой странице своей книжки слова Священного Писания или святых отец и, конечно, не имея возможности привести ни одного изречения, подтверждающего его нелепую ересь, после каждого текста пишет въ скобках: „слышите: вот что и вот что здесь сказано" и затем приводит пояснения, совершенно чуждые смыслу священных слов: но неосведомленный читатель готов думать, будто автор продолжает читать слова отеческие или библейские. Иногда же он так печатает отеческие изречения, перемешивая их с собственными толкованиями, что и узнать невозможно, где оканчиваются, например, слова святого Афанасия Великого (стр. 107) и начинаются слова Антония Булатовича. Святой Афанасий говорит, что Христом, т. е. помазанником,

кроме Господа Иисуса Христа, именовались и некоторые человеки—избранники Божии, но они были не истинными Христами, а его прообразами: отец же Булатович от себя прибавляет, что и люди, именовавшиеся Иисусами, были не „истинные Иисусы", но прибавляет так, что читатель думает, будто это слова святого Афанасия, ибо скобки он не заключает в своем толковании, а приписывает прямо: „стр.374" (по творениям якобы св. Афанасия).

Если бы читателю было видно, что это слова не святого Афанасия, а Антония Булатовича, то он понял бы ложность такого толкования: ведь слово помазанник (Христос), приложенное к Давиду и другим избранникам, есть не имя собственное, а указание звания (как бы сана), которое давал Бог царям и пророкам; имя же Иисус есть имя собственное, кроме коего никакого имени не имел ни Иисус сын Сирахов, ни Иисус сын Иоседеков, ни Иисусы в Новом Завете, коих несколько есть и на Афоне.

Истина не нуждается в таких непозволительных приемах или подлогах святоотеческих слов, но Антонию Булатовичу сие было нужно, дабы избавиться таким обманом от досадного указания своих обличителей на то, что если самое имя Иисус есть Бог, то богами надо называть и всех людей — носивших или носящих такое имя.

Если бы мы пожелали привести все примеры совершенно произвольных толкований автора, противоречащих смыслу Откровения, то пришлось бы выписать всю его книгу, потому что их по нескольку на каждой странице. Возьмите эту книгу и пересмотрите подобные наиболее характерные подлоги смысла священных слов: они на страницах 7, 9, 10, 20, 23, 29, 31, 37, 38, 53, 85, 90, 92, 93, 96, 90, 97, 101, 109, 127, 128, 129, 131, 132, 136, 139, 141, 149, 150, 154, 155, 156, 159, 166, 169, 172, 173, 175, 176, 178, 180, 181 и 183-й. На многих из указанных страниц по два и по три подложных толкования, а всего во всей книжке страниц 189. Иногда наш писатель находит свои мысли об имени Божиим и в таких изречениях св. Писания, где даже вовсе нет этого слова. См. стр. 6 и 7, 11, 20, 27, 33, 143.

Автор, впрочем, один раз и сам проговорился в том, что его учение совершенно чуждо Божественному Откровению. Набив страницы своей книжки натянутыми толкованиями Ветхого Завета и чувствуя полное несоответствие последних слову Божию, он отговаривается: „но может быть кто возразит нам: вы новое учение выдумываете (и возразит

совершенно справедливо!), где у святых отцов сказано, что Сын Божий есть Божие Имя? (конечно, нигде не сказано такой глупости). Ей сказано, мы уже приводили выше слова пророка Исаии, который назвал Сына Божия именем Божиим (Ис. 30, 27). Постараемся же и еще яснее показать, что „под именем Слово Божие подразумевается и Имя Божие". Далее автор приводит несколько изречений отеческих, в коих Сын Божий по подобию первого евангельского зачала именуется Словом, но нигде и никогда не именуется „именем Божиим". Слова же пророка Исаии, совершенно напрасно указанные здесь Булатовичем, читаются так: *„вот имя Господне идет издали, горит гнев Его, и пламя Его сильно, уста Его исполнены негодования и проч., чтобы развеять народы до истощания“* и пр. Здесь говорилось о мщении Божиим врагам Израиля и имя Божие употреблено в таком же смысле, как „слава Божия", т. е. просто вместо слова *Бог*. Ветхозаветные пророки редко дерзали говорить прямо о явлении Бога, но вместо сего страшного слова употребляли описательное выражение „имя Божие, слава Божия, Ангел Божий"; это известно всякому, даже младшего возраста семинаристу, а Булатович, наполнивший свою книгу всеми такими выражениями, которые очень легко! подобрать по алфавитному библейскому словарю (изданному редакцией „Странника"), поступил с ними так же, как древние полуязычники гностики со словами Библии: „веки, веки веков, во вся веки". Слова эти не имеют никакого особенного значения, как только указывающие на вечность бытия Божия и царства Христова; однако, гностики слову „век", по-гречески эон, придали значение как бы неких божеств, сочинили целую историю и иерархию этих эонов, делили их на злых и добрых, а главным эоном признали Сына Божия, и, вообще, измыслили об эонах целую повесть, в которой и заключалась их нелепая вера взамен веры в то, что изложено в нашем Символе. И что же? Каждое свое нелепое измышление они основывали на словах пророческих или апостольских, в коих упоминалось слово *век*, по-гречески эон, так что спорить с этими сумасшедшими было не очень просто.

Подобным же приемом пользуется и Антоний Булатович для того, чтобы совершенно прикладное понятие „имени" сделать Богом. Его уловки так натянуты и искусственны, что невозможно верить их искренности: он сам, разумеется, не верит своим словесным фокусам и даже сам проговорился,

как мы видели, признавшись, что читатель может упрекнуть его в измышлении новых догматов, чуждых Библии и Отцам.

Насколько далеки от истины его ссылки на св. Григория Солунского или Паламу, о сем найдете изъяснение у другого обличителя, который показывает, что Булатович извратил православное учение Паламы, так как первая анафема его направлена именно на тех, кто признает энергию Божию не Божеством, а Богом, т. е. отождествляет ее с существом Божиим. Зачем же все это проделал о. Булатович? Зачем внес столько греха и разделений в Афонские братства? Зачем обесчестил и изгнал настоятеля скита Андреевского о. Иеронима? или он не знал 121-го правила Номоканона, по коему монах, бесчестуяй настоятеля, даже и по правде, „да прокленется, отлучен бо есть от Святыя Троицы и да отыдет во Иудино место?" Увы, приходится принять ту мысль, что эти именно раздоры и изгнания составляли цель о. Булатовича при составлении его фальшивой книги, исполненной явных извращений священных слов и заведомо ложных истолкований на оные.

Однако, чтобы проверить все возможные, более искренние побуждения его, поставим вопрос так: может быть, Булатович до такой степени увлекся воспринятою им от схимонаха Илариона и по своему переработанною идеей, что ради нее решился подтасовывать выписки из Библии и отцов.

Его учение состоит из следующих положений. В Боге божественно не только Существо Его, но и энергия; энергия есть всякое слово Божие и всякое действие; имена Божии тоже Его энергия (энергия значит воля или сила); следовательно, по словам Булатовича, и имя Божие и всякое слово Божие есть не только Божественное, но и Сам Бог. Таково будто бы учение св. Григория Фессалонитского. На самом же деле учение последнего в первом положении прокликает говорящих подобное (а говорили так противники св. Григория варлаамиты) и требует именовать Божию энергию отнюдь не Богом, а Божественною и приписывать ей не именование Бог, но Божество или Божественность (θεότης, а не θεός; изречение это искажено у о. Булатовича на стр. 106).

Обратимся же теперь к самому учению Булатовича: к чему оно ведет своих слепых последователей? Он говорит на 5-й странице, что слова Божии на Фаворе, т. е. наименование Иисуса „Сыном Возлюбленным" и проч., есть тоже Сам Бог, как словесное действие Бога; потолику и всякая

вообще истина богооткровенная, возвещенная людям Духом Святым и пр. суть Бог, ибо суть словесное действие Божества. Эту нелепую бессмыслицу наш писатель повторяет неоднократно см. стр. 22, 23, 26, 101, 106, где прямо говорится, что всякое слово Божие „*есть Бог непреложный; сый и живой*“, да еще указывается на 107-ю стр. св. Симеона Нового Богослова, где ничего подобного не говорится. Еще чаще о. Булатович повторяет изречение св. Тихона Задонского, по обычаю совершенно извращая его смысл. Вот слова святителя Тихона: „великое имя Божие заключает в себе Божественные Его свойства, никакой твари не сообщаемые, но Ему единому собственные, как то: единосущие, присносущие, всемогущество, благость, премудрость, вездесущие, всеведение, правду, святость, истину, духовное существо и пр.“. Затем по своему нечестному обычаю наш писатель восклицает: „*слышите, что говорит святой угодник Божий, что Имя Божие есть духовное существо, а не отвлеченная идея*“. Ничего подобного угодник Божий не говорит того, будто имя Божие есть самое вездесущие, всеведение и т. п.: он говорит, что слово „Бог“ заключает в себе мысль о всех свойствах Божиих, о Его правде, Его духовности и пр., но оно вовсе не есть сама правда, сама духовность. Наш писатель просто извратил смысл отеческого изречения, изменив винительный падеж слов „духовное существо“ на именительный. Св. Тихон перечисляет здесь все свойства Божие, приводимые в Катихизисе (Дух вечный, всеблагий, всеправедный, всемогущий, вездесущий и пр.), и утверждает, что нам подобает с именем Божиим соединять сию благочестивую веру в Божественные свойства, нам открытые во святом Евангелии и прочих книгах Откровения. Итак, о. Булатович совершенно напрасно по несколько раз выписывает жирным шрифтом клевету на св. Тихона, будто он почитает имя Божие за духовное существо.

Но возвращаемся к вопросу: в чем же основное недомыслие или основная ложь о. Булатовича? А в том, что энергия Божества или воля Божества вовсе не есть то, что Господь сделал, и вовсе не слова, которые Он произнес. Энергия и воля Божества имеют божественность (но тоже не Бог), а произведения Божественной энергии и Божественной воли вовсе не то, что энергия Бога: Божию энергию можно назвать Божественною деятельностью, а Божие слова и Божие творение это произведение Божественной деятельности, Божественной энергии, а вовсе не самая

энергия. Вот этого-то о. Булатович по своему невежеству не досмотрел, или по своему лукавству не пожелал досмотреть. Если всякое слово, реченное Богом и всякое действие Его есть Сам Бог, то выходит, что все, видимое и осязаемое нами, есть Бог, т. е. получается языческий пантеизм (а не пантеистизм, какъ по своему невежеству выражается о. Булатович, повторяя опечатку „Русского Инока"). И такую нелепость о. Булатович утверждает без всякого стыда: он говорит, что всякое слово, на Фаворе сказанное, есть Бог: значит и слово: „послушайте" есть Бог и слово „того" есть Бог? Бог обличал иудеев древних. Господь Спаситель обличал иудеев современных, говорил им: „змия, порождение ехиднова". Значит, и змея — Бог и ехидна — Бог? По Булатовичу непременно так, вдвойне так, ибо и змею, и ежа, и зайца сотворил Бог, они суть действия Божества, а следовательно, все эти звери тоже Бог? Так, впрочем, и учат индуспантеисты и поклоняются, как Богу, и крокодилам, и обезьянам, и котам. Неужели о. Булатович желает и афонских иноков привлечь к такому же безумию? Что его завело сюда: невежество или лукавство?— Невежества у него не мало. Что за бессмыслицу, например он говорит, утверждая, что „Господь явил Себя тезоименитым Своему имени на кресте?". Да кто же не тезоименит своему имени? ведь это выражение все равно, что „деревянное дерево" или „масло масленое". Можно сказать, что Господь явил Себя тождественным тому, что заключалось в Его имени, т. е. Спасителем (хотя сие было не только в час распятия, но и во все дни Его земной жизни), но говорить “тезоименит имени”, значит говорить бессмыслицу. Далее на стр. 10-й автор относит Трисвятую песнь к Лицу Иисуса Христа; но ведь за это были отлучены армяне, нас же святая Церковь научила относить сию песнь ко Пресвятой Троице. Одним словом, о. Булатович очень мало осведомлен и в богословии и в грамматике, но если бы он был и вовсе безграмотный, то и тогда казалось бы, невозможно утверждать, да и отцам навязывать такую дикую нелепость, будто всякое слово и дело Божие есть Сам Бог.

Впрочем, иногда и сам о. Булатович останавливается пред своим нелепым вымыслом и старается его поправить, но последнее ему все-таки не удается. Так, на стр. 41 он говорит: „Впрочем, этих божественных свойств: единосущия, присносущия, духовного существа и пр. мы не приписываем тем буквам, которыми условно выражается Божественная истина, но лишь самому слову истины". Т. е. чему же? Ведь слово и состоит из букв и

звуков? „Поэтому, продолжает о. Булатович, когда мы говорим об имени Божиим, имея в виду сущность самого Имени, которыми именуем Бога, то мы говорим, что Имя Божие есть Сам Бог; когда же имеем в виду буквы и слога, коими условно выражается истина о Боге и Имя Божие, то мы говорим, что Бог присутствует во Имени Своем" (ср. стр. 78, 79. 88, также стр. 101). Что желает высказать писатель в этой непонятной фразе? Да и желает ли что-либо высказать или просто запутать, затемнить мысль доверчивого читателя, дабы он, прочитав эти строки, сказал: „Ну, слава Богу, здесь не звуки обоготворяются и не буквы, а что-то другое, чего я понять не могу". Да и никто не поймет, прибавим мы, потому что нельзя понять бессмыслицу. Логика различает сущность вещи отъ ее явления (хотя тоже довольно темно), и вотъ естествоведы вам скажут, что звуки есть нечто слышимое, а сущность его — колебание воздуха и ударение его о барабанную перепонку вашего уха; молния есть видимое явление, а сущность ее — разрешение электрической энергии или силы.

Но какая разница между именем и идеей или существом имени? Всякий учившийся вам предложит либо такой ответ, что идея имени есть его смысл (напр., имя Андрей имеет в себе идею мужества, имя Агапий — идею любви), а под существом имени разумеется то лицо, к которому оно обращено. Но о. Булатович и слышать не желает о таких ответах: он негодует на тех, которые „дерзают приравнивать Божество имени Божия к прямой идее о Боге и в имени Божиим видят лишь одни звуки" (стр. 152).

Может быть, наконец, о. Булатович под чудотворной силой имени Божия разумеет то благоговейное чувство молящегося, ради которого призываемый Господь вселяется в его сердце? Нет, он утверждает, будто имя Божие сохраняет свою чудотворную силу даже и при бессознательном его произнесении; см., например, стр. 89: „Хотя и не сознательно призовешь имя Господа Иисуса, то все-таки будешь иметь Его в имени Своем со всеми Его божественными свойствами". Что значит — будешь иметь Его? Мы предоставляем понимать нашему новому философу, но он снова повторяет: „хотя призовешь Его, как человека, но все-таки будешь иметь во имени Иисуса и всего Бога".

В других, равных сему по своей нелепости, выражениях, о. Булатович приписывает одному только имени Иисуса, как звуку, даже без молитвенного прошения произносимому, чудотворную силу; искажая по

своему обыкновению слова Христовы, о. Булатович влагает в Его уста следующее обетование: „Когда Я, по воскресении из мертвых, пошлю вам Утешителя, тогда вы уже не попросите Меня, т. е. не будете нуждаться в Моем посредничестве, но довольно вам будет произнести Имя Мое, чтобы желаемое получить от Отца. Итак, здесь Он показывает силу Своего Имени, так как Самого Его не будут видеть и не будут просить, а только назовут имя Его. Оно будет творить такие дела" (стр. 41). — Господь не учит апостолов волшебству и никогда таких нелепостей не говорил. Он сказал: *«Я увижу вас опять и проч. и в тот день вы не спросите Меня ни о чем»*. О. Булатович смело утверждает, что здесь „вопросите" (пославянски) вместо „попросите", но, говоря так, он обманывает простодушного читателя, ибо Господь продолжает речь следующими словами: *„истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна"* (Иоан. 16, 23-24).

Можно ли думать, что о. Булатович заблуждающийся невежда, или приходится признать, что он невежественный обманщик, об этом предоставляем пока судить читателям. Над последними он просто издевается: заявил было, что не самый звук и буквы имени имеют божественную силу, а только его идея, а выходит (ср. стр. 46), что и бессознательно и без молитвы произнесенное имя Его чудотворно (т. е. выходит так, по искаженному о. Булатовичем Господню изречению, которого Господь никогда не произносил). Но в других местах своей книги наш автор или сам забывает об измышленном у него магическом значении имени Божия, или думает, что читатель о нем забыл, и, вслед за приведенными отеческими изречениями, усваивает силу только такому молитвенному призыванию имени Божия, которое соединено с верою и усердием.

Так он приводит слова Златоуста: „Есть у нас духовные заклинания — имя Господа нашего Иисуса Христа и сила креста... Если же многие хотя и произносили это заклинание, но не исцелились, то это произошло от маловерия их, а не от бессилия произнесенного имени". Эта же мысль продолжается в изложении автором дальнейших слов св. Златоуста на всей 60-й странице его книжки; те же мысли содержатся на стр. 64 и 66 в выписках из св. Диодоха, Иоанна Лествичника и Григория Синаита, старца Паисия Величковского (77 стр.), преосв. Игнатия Брянчанинова (78). о.

Иоанна Кронштадтского (81). Все эти изречения свидетельствуют о том, что молитва Иисусова, и всякое вообще призывание Его имени, спасительно лишь под условием благоговейной веры, непрестанной молитвы, смиренномудрия и воздержания. Под влиянием сих правых мыслей и о. Булатович проговорился на 69-й странице так: „без сердечного чувства творимую молитву Иисусову и мертвой молитвой назвать негрешно“.

Впрочем, сие правильное мудрование не хранится в памяти нашего писателя на протяжении всей его книжки или, во всяком случае, не сразу приходит ему в голову, как мы уже видели; там же на стр. 14 и 15 он пытается доказать, будто имя Божие и без веры произнесенное, проявляет чудотворную силу, на 19-й же вслед за Каллистом приводит слова Писания: *„Аще исповеси усты твоими Господа и веруеши в сердце твоём, яко Бог того воздвиже из мертвых, спасешися: сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение“* (Рим. 10, 9,10); здесь снова речь о необходимости сердечной веры при призывании имени Господня. Однако, в третьей главе автор все это предаёт забвению и с негодованием говорит о том, что „имеборцы отвергают засвидетельствованную в Священном Писании истину, что чудеса творились Божественною силою имени Божия и осмеливаются утверждать, что не силою Божественного имени совершались эти чудеса, но Самим Богом, а имя Господне служило лишь для призвания Бога, как посредствующая сила“ (42). Он особенно любит ссылаться на исцеление хромого в третьей главе Деяний и, в частности, на слова апостола: *„Имя Его укрѣпило сего, которого вы видите и знаете“* (см. особ. стр. 7); но, по обычному у лжеучителей и еретиков приему, не досказывает священного изречения, которое далее читается так: *„и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами“* (стр. 10).

Вот как трудно о. Булатовичу расстаться с хлыстовскими воззрениями, по коим слова, магические действия в отрешении от веры и добродетели, приближают нас к Божеству! На самом деле, если бы имя Христово независимо от веры и благочестия призывающего могло творить чудеса, то никогда не произошло бы того, о чем читаем в Деяниях: *„Бог творил немало чудес руками Павла, так что на дольних возлагали платки и опоясания с тела его, и у тех прекращались болезни, и злые духи выходили из них. Даже некоторые из скитающихся иудейских заклинателей стали*

употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаям вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Это делали какие-то семь сынов иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю и Павел мне известен, а вы кто? и бросился, на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома“ (Деян. 19, 11-16).

Видите, возлагаемые с верою, хотя и без призвания имени Божия, вещи апостолов служили ко исцелению, а призванное недостойными имя Господне не послужило им на пользу. И совершенно напрасно наш автор утверждает, будто Господь и апостолы творили чудеса только именем Божиим: правда нередко и Он и они говорили: Он — „Аз ти повелеваю, Аз ти глаголю" (все же здесь нет имени), а они: именем „Господа Иисуса Христа тебе глаголю" и пр. Но нередко Господь творил чудеса молча (хождение по водам, исцеление кровоточивой, исцеление уха Малхова, чудесный лов рыбы и многое другое), так и святые апостолы исцеляли и чудотворили не всегда с произнесением Господня имени, но иногда и молча или произнося иные слова,— таково крещение Анании и Сапфиры, исцеление Савла не именем Иисуса Христа, а им самим чрез Ананию (9, 17), подобно же, исцеление Энея Петром (ст. 34 вопреки нелепому утверждению о. Булатовича на стр. 42, приведенному нами выше) и воскрешение им Тавифы, ослепление Павлом Елимы (13, 11); преподание им дара языков чрез возложение рук новокрещенным ефесянам (19, 6) и безвредное освобождение руки своей от ядовитой ехидны (28, 5). Все эти события не вмещаются в суеверное учение о. Булатовича о магическом значении имени Божия и о том, что всякое слово и действие Божие есть Бог. Последнее лжеверие соединяет его с буддистами, а первое с жидами-каббалистами, и он, протпвореча на каждом шагу словам Божественного Писания, охотно подкрепляет свое суесловие нелепым учением жидовской каббалистики, которая, не имея возможности отрицать чудеса Христовы и не желая принять веры в Него, как Бога, приписала Его чудотворную силу магическому действию таинственного имени Божия, которое Он будто бы откуда-то украл. Изложению подобных жидовских суеверий по Каббале наш писатель посвящает 99 и 100 страницу своей книжки.

Не будем разбирать по частностям той нелепейшей из нелепых глав книжки о. Булатовича, где он пытается все наше богослужение и всю псалтирь истолковать в качестве выражения веры во имя Божие как Бога.

Ни одного подобного изречения в нашей службе, ни в св. псалтири, ни в ее толковании св. Афанасием Великим, нет. Конечно, наши службы, как и всякое вообще молитвословие, состоят в постоянном призывании Бога, а призывание естественно учащает произнесение Его имени, хотя заметьте, в молитве Господней, как ее предал нам Господь, во обличение Булатовича, нет вовсе наименования Бога ни Богом, ни Господом, ни иным из еврейских имен Божиих, столь любезных нашему новому философу. Заметим только, что большинство наших гимнов, молитв и возгласов составлено из псаломских изречений и пророческих песней, а потому в них иногда и встречается свойственное Ветхому Завету выражение: „имя Божие, имя Господне“, вместо Бог и вместо Господь. Осведомленный в псалтири читатель, просмотрев богослужебные выписки в книге Булатовича, может убедиться в том, что почти все или даже все помянутые выражения наших богослужебных чинов заимствованы из священных книг Ветхого Завета.

Спросим, в заключение разбора Булатовической книги: да есть ли у Отцов хоть одно выражение, подтверждающее учение сей книжки о том, будто имя Божие есть Бог? Нет ни одного. Но чтобы автор ее не остался безответным, разберем те немногие изречения, которые для малообразованных читателей могут показаться такими.

На стр. 35-й приводятся слова блаж. Феофилакта, коими он поясняет равночестность выражения апостольского „креститься во имя Иисуса Христа“ с повелением Христовым: «крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Бл. Феофилакт говорит: «Святая Церковь мыслит Святую Троицу нераздельно; так вследствие единства трех Ипостасей по существу, крещаемый во имя Христа крещается в Троицу, так как Отец, Сын и Святой Дух нераздельны по существу. Если бы имя *Отец* (у св. Феофилакта «Отца») было не Бог, и имя *Сына* не Бог, и имя Святого Духа не Бог, то следовало бы крестить во имя Бога Иисуса Христа, или только в Сына. Но он, Петр, говорит: во имя Иисуса Христа, зная, что имя Иисус (не «Иисус», а «Иисуса»!) есть Бог, равно, как Имя Отца и Имя Святого Духа». У св. Феофилакта это изречение имеет значение осмысленное; имя Иисуса Христа означает Сына Божия, единосущного Отцу и Духу, а потому равночестно было бы крестить во имя ли Св. Троицы или во имя Иисуса Христа. Это совсем не то, во что переделал слова св. отца Булатович.

От себя добавим, что, конечно, Апостол Петр крестил этих людей, а равно и всех прочих, согласно Христову повелению со словами: „во имя Отца и Сына, и Святаго Духа“, но в этой беседе не пояснил им еще тех слов, коих они и понять бы не могли, как не оглашенные учением веры: он обещал их крестить во славу (во имя) Христову, а, крестя, произносил конечно: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

Второе изречение, на которое так напрасно надеется Антоний Булатович, принадлежит преп. Григорию Синаиту: „молитва есть Апостолов проповедание, непосредственная вера, действующая любовь, Божие познание, Иисусово радование и, что множае глаголати? молитва есть Бог, действуяй вся во всех, за еже едину быти Отца и Сына и Святаго Духа действу, действующему вся о Христе Иисусе“.

Это поэтическое выражение, которое словом *есть* заменяет другие сказуемые: причиняется, питается, достигает и т. п. Подобный оборот постоянно встречается в церковной поэзии: „Иисусе пречудный, Ангелов удивление, Иисусе преславный, царей укрепление, Иисусе пречестный, девственных целомудрие“. Можно ли отсюда говорить, что целомудрие праведников есть не свойство души, подкрепляемой благодатью, а сам Бог — Иисус? равно не скажет ли, что крепость благочестивых царей подается Иисусом и не осмеем ли того, кто скажет, что воинская сила царей есть не состояние их царств, подкрепляемое силою Христовою, а сам Иисус Христос? Точно так же и сие изречение о молитве что означает? Молитва есть один из предметов апостольского научения и плод искреннего усвоения последнего верующим сердцем христианина, молитвою достигается непосредственная, т. е. живая вера и деятельная любовь и Божие познание, которого она есть и плод, и источник для познания совершеннейшего; молитва наша есть радость Иисуса Христа, и радость наша об Иисусе Христе; молитву теплую и благодатную дает нам Бог, действующий в нас, не только во Святом Духе, который по Апостолу научает нас, о чем подобает молиться (Рим. 8, 26), но и в полноте Лиц Пресвятой Троицы, ибо действие Отца и Сына и Святого Духа есть единое действие. Никакого обоготворения молитвы тут нет и нет подтверждения новоизмышленному суеверию, ибо не просто сказано, что молитва есть Бог (такая бессмыслица чужда отцам), но Бог, действующий в нас, т. е. «дающий молитву молящемуся», как говорится в библейской песни св. Анны, воспеваемой в наших канонах (I Царст. 2, 9).

Так растерзается, яко паутина, ложь Булатовических ухищрений и так же мало послужил он своим лукавством славе имени Иисуса, как иезуиты, принявшие на себя Его наименование с лукавством, с посторонними земными целями.

Не было бы конца нашему разбору, если бы мы задались изложить здесь все нелепые мысли о Булатовича, противоречащие и учению веры, и здравому смыслу. Остается вопрос: что вовлекло его в такие умственные трясины, — увлечение ли ложною идеей, соединенное с упрямством, или посторонние честолюбивые цели? При всем желании дать утвердительный ответ на первую часть вопроса и отрицательный на вторую, это очень затруднительно сделать: уж слишком нелепы и бестолковы его рассуждения, чтобы поверить искренности его заблуждений. Если же к этому прибавить его неистовую агитацию, его возбуждение братии нескольких обителей, его грубое непослушание высокому авторитету святого и духовного мужа, покойного Вселенского Патриарха Иоакима III-го, то вывод о его деятельности напрашивается еще более печальный. Ведь он распространял среди простодушных и детски доверчивых афонитов то такую клевету, будто Великий патриарх был подкуплен, то — будто его грамота подложная, им неподписанная. Ведь подобные глупости утверждать мог бы какой-нибудь раскольник 17-го века из Брынских лесов, а бывший офицер и житель столицы разве не знает о совершенной невозможности подделать в Европе в 20-м веке постановление начальственного учреждения, да еще столь высокого, как Патриархия, и его отпечатать?

В настоящее время новоизбранный Святейший патриарх Герман и весь Священный Синод Великой Церкви единогласно подтвердил осуждение книги Булатовича и нового учения его и схимонаха Илариона и, предав отлученью всех держащихся сего учения, нарочито сослался на то, что это уже сделано покойным блаженной памяти патриархом Иоакимом III. Дай Бог, чтобы разум и совесть проснулись в основателях и последователях сего нового суеверия и чтобы они, принеся покаяние в своем заблуждении и в устройстве бурных скандалов и монашеского бунта в обителях Св. Афона, тем доказали, что они не злые обманщики, которые „идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей“ (Иуд. I, 11), а кающиеся сыны Отца

Небесного, Который готов о них сказать: „сын мой сей мертв бе и оживе, изгibl бе и обретесе“ (Лук. 15, 24).

Архиепископ Антоний.

Святое Православие и именовбожническая ересь. В трех частях. Харьков, 1916. С. 78-101.